

Научно-исследовательский журнал «Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук»
<https://mhs-journal.ru>
2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://mhs-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)
УДК 82-3

Персонажи-мусульмане в произведениях А.П. Чехова сквозь призму авторской концепции творчества

¹ Галимова О.М.,

¹ Башкирский государственный медицинский университет
Министерства здравоохранения Российской Федерации

Аннотация: образы мусульманских народов в имагологической чеховиане встречаются редко. Имеющиеся работы по данной тематике указывают на специфическое представление этих образов в прозе А.П. Чехова, основанное в большей степени на этнических стереотипах. В статье предпринята попытка объяснить отсутствие полноценных художественных образов среди персонажей-мусульман сквозь призму концепции творчества Чехова, в соответствии с которой важнейшая задача каждого человека заключается в реализации его творческого потенциала. В картине мира приверженцев ислама творческое, созидательное начало присуще единственному подлинному творцу, создателю – Аллаху. Такое принципиальное расхождение двух мировоззренческих установок моделирует специфику изображения мусульман в творчестве писателя. Результаты исследования могут быть использованы при чтении историко-литературных и теоретико-литературных учебных курсов, а также спецкурсов по творчеству А.П. Чехова. Кроме того, обобщения, сделанные нами, могут оказаться полезными для исследователей искусствознания, теоретиков и историков культуры, специалистов в области эстетики ислама.

Ключевые слова: А.П. Чехов, Коран, мусульманские образы, искусство ислама, концепция творчества, искусство и действительность

Для цитирования: Галимова О.М. Персонажи-мусульмане в произведениях А.П. Чехова сквозь призму авторской концепции творчества // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 113 – 118.

Поступила в редакцию: 11 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 8 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

***

Muslim characters in A.P. Chekhov's works through the prism of the author's concept of creativity

¹ Galimova O.M.,

¹ Bashkir State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation

Abstract: images of Muslim peoples in imagological Chekhovianism are rare. The available works on this topic indicate a specific representation of these images in Chekhov's prose, based largely on ethnic stereotypes. The article attempts to explain the lack of full-fledged artistic images among Muslim characters through the prism of Chekhov's concept of creativity, according to which the most important task of every person is to realize his creative potential. In the worldview of the adherents of Islam, the creative, creative principle is inherent in the only true creator – Allah. This fundamental discrepancy between the two worldviews underlies the specific portrayal of Muslims in the writer's work. The results of the research can be used when reading historical, literary and theoretical literary training courses, as well as special courses on Chekhov's work. In addition, the generalizations made by us may be useful for researchers of art studies, cultural theorists and historians, and specialists in the field of aesthetics of Islam.

Keywords: A.P. Chekhov, Quran (Koran), Muslim images, the art of Islam, the concept of creativity, art and reality

For citation: Galimova O.M. Muslim characters in A.P. Chekhov's works through the prism of the author's concept of creativity. Modern Humanities Success. 2025. 8. P. 113 – 118.

The article was submitted: April 11, 2025; Approved after reviewing: June 8, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Творческое наследие Антона Павловича Чехова насчитывает более 500 произведений, в которых представлены тысячи персонажей разных сословий, национальностей, конфессий. Достаточно много среди них иностранцев и инородцев. Но, как справедливо отметил Ю.А. Шатунов в статье «Мусульмане и мусульманский мир в творчестве А.П. Чехова», образы представителей мусульманских народов «в имагологической чеховиане встречаются редко» [1, с. 307-308]. Стремясь восполнить этот пробел, ученый проанализировал образы татар, турок, чеченцев, черкесов, киргизов, персов, афганцев в более 60 рассказах. Нам показались интересными для дальнейших исследований выводы, к которым пришел Ю. Шатунов: среди персонажей этого типа нет ни одного полноценного художественного образа, способного претендовать на статус главного героя (в качестве исключений могут быть названы лишь персонажи повести «Дуэль» (1891 г.) и рассказов «Пьяные» (1887 г.) и «В ссылке» (1892 г.), выступающие заметными фигурами второго плана). И что более удивительно, в большинстве случаев восточные народы у Чехова описаны через этнонимы, которые используются как уничижительные характеристики, ассоциируясь с грубостью, дикостью и отсутствием культуры [1, с. 309].

Согласимся с автором статьи в том, что подобные описания не отражают мировоззрение Чехова, а являются литературными приемами [1, с. 312]. Доказательством тому служат высказывания А.П. Чехова о мусульманах в книге «Остров Сахалин», в письмах, которые свидетельствуют об уважении и симпатии к поволжским и сибирским инородцам, воспоминания современников о жизни писателя в Ялте и тесном общении в этот период с крымскими татарами [2, П., Т. 4 с. 69-82]. Что касается представления о якобы присущих мусульманам «дикости, бескультурье», то общеизвестно, что уровень грамотности мусульманского населения в некоторых регионах Российской империи был выше, чем у русских (речь идет о респондентах, входящих в категорию «грамотных на других языках») [3, 4].

Все это доказывает, что писатель в своих произведениях лишь использует этнические и конфессиональные стереотипы, сформировавшиеся в обществе (мы не беремся проследить их гене-

зис). Но в то же время не может не обратить на себя внимание тот факт, что ироничный, подчас способный проявить категоричность в высказываниях (наблюдающуюся, например, в переписке с братом Николаем), Чехов в то же время отличался деликатностью, обоснованной безусловным уважением к личности Человека. Почему же в произведениях писателя наблюдается такая односложная трактовка мусульманских образов? Ответ, думается, скрывается в чеховской концепции творчества, где ключевой идеей является реализация творческого потенциала человека.

Материалы и методы исследований

Методологической основой предлагаемой работы служит комплексный подход, синтезирующий культурологические и собственно литературоведческие принципы. Предметом исследования выступают работы исламских богословов, трактующих суры Корана, касающиеся вопросов творческой деятельности, и художественные произведения и письма А.П. Чехова, в которых нашли отражение теоретико-литературные проблемы, раскрывающие представления автора о концепции творчества.

Результаты и обсуждения

С самых ранних рассказов, многие из которых воспринимались и самим автором, и многими критиками лишь как источник дополнительного заработка студента, а позже молодого доктора Чехова, начинающий писатель последовательно создает собственную художественную систему, в которой озвучивает главные эстетические вопросы, волнующие его на протяжении всей творческой жизни: проблемы художественного восприятия и соотношения искусства и действительности, вопрос о сущности и специфике литературы и ее общественных функциях, идеи необходимости обновления литературных форм и проблемы массовой культуры. Озвучивая эти вопросы, Чехов выводит на авансцену представителей разных сфер искусства: героем каждого четвертого его рассказа выступает художник или критик, писатель или музыкант, актер или драматург. При характеристике «творческих натур» писатель часто откровенно иронизирует над ними, демонстрируя несоответствие их творений или образа жизни идеалам высокого искусства. Представители массовой культуры – персонажи многочисленных пародий мо-

лодого Чехова, в которых он превращает в предмет изображения псевдотворчество.

Осмыслением вопросов восприятия творчества обусловлено устойчивое обращение Чехова к образу читателя – одному из самых распространенных образов в его произведениях. Чехов, будучи сам гениальным читателем, прекрасно понимал, что талантливое чтение (как и восприятие любого произведения искусства) – это всегда творческая работа, активное сотворчество. И в зависимости от творческих установок читателя, его культурного кругозора, литературной грамотности в литературоведении выделяют разные типы читательской рецепции. Мы используем классификацию, предложенную профессором Башкирского государственного университета (в настоящее время – Уфимский университет науки и технологий) Р.Г. Назировым в спецкурсе «Проблемы художественного восприятия», в основе которой лежит принцип критического отношения к искусству. А.П. Чехов в своих произведениях изображает все шесть типов восприятия, выделенных исследователем, но особое внимание уделяет утилитарно-моралистическому подходу, когда литература воспринимается как прямое руководство к действию.

Образы персонажей с «олитературенным» сознанием отражают особое явление в культуре – искусство становится моделью для житнетворчества. Ю.М. Лотман в работе «Беседы о русской культуре» отмечал, что в начале XIX века искусство часто выступало в качестве образца для подражания в жизни [5, с. 209]. Однако феномен «олитературенного» сознания чеховского периода основан на иной концепции. Чтобы продемонстрировать, в чем заключается это различие, приведем цитату из той же работы: «Ведя себя в соответствии с принятой на себя ролью, русский дворянин не переставал быть именно русским дворянином своей эпохи» [5, с. 186]. Однако чеховские герои не стремятся соответствовать высоким литературным идеалам, а используют их как маски для оправдания своих поступков – созидательного активного взаимодействия высокого искусства и внехудожественной реальности, характерного для начала века, уже нет.

Для данной работы по сути разница между подражанием читателями литературным героям как нравственным ориентирам и механическим копированием их поведения не существенная; нам важен сам факт отображения в творчестве Чехова достаточно распространенной модели поведения человека – подражания, копирования, когда место творчества занимает псевдотворчество. Необходимо отметить, что, когда мы говорим о

проблемах творчества в произведениях А.П. Чехова, мы рассматриваем не только рассказы, посвященные создателям произведений искусства и их аудитории. Каждый человек занимается в своей жизни творчеством, когда он пытается не просто механически выполнить свою работу, а занят созидательной деятельностью. Анализ чеховского наследия убеждает нас в том, что писатель так или иначе стремился найти и запечатлеть тот момент, где будничное существование человека соприкасается с творческим порывом, где творчество начинает вдохновлять и наставлять на путь творческого жизнеустройства, наполнять его смыслом. Чехов безусловно верил в способность человека к творческому созидательному акту, к восприятию прекрасного. «Демократизм Чехова, – по мнению Б. Зингермана, – в его понимании таланта – не принадлежности единственного, а неотъемлемого, само собою разумеющегося свойства каждого человека – уже потому, что он человек – венец Вселенной» [6, с. 269]. Эта вера в одаренность Человека во многом обусловлена той средой, в которой жил писатель: он всегда был окружен талантливыми людьми. И тесно общаясь с несомненно одаренными людьми разных профессий, Чехов не мог не замечать, как лучшие человеческие качества этих людей, возвышенные идеалы, воспетые ими в их творениях, могли удивительным образом соседствовать с пороками, сомнительными этическими установками (пьянство брата Николая, спорная общественная позиция редактора «Нового времени» А. Суворина). И тем не менее Чехов продолжал верить и даже настаивать на том, что в каждом человеке заложен потенциал для творчества как в искусстве, так и в жизни.

Эта вера была сродни безусловной вере в человека, о которой говорит герой «Рассказа старшего садовника» (1894 г.): «Что же касается меня, господи, то я всегда с восторгом встречаю оправдательные приговоры... Судите сами, господа: если судьи и присяжные более верят человеку, чем уликам, вещественным доказательствам и речам, то разве эта вера в человека сама по себе не выше всяких житейских соображений?» [2, т. VIII, с. 343].

Сам Чехов безусловно верил в Человека, как верил и в свою читательскую аудиторию: так, иронизируя над персонажами-читателями в своих рассказах, писатель надеялся на то, что его реальный читатель поймет эту иронию и верно ее прочтет. Потому как каждый способен увидеть истинное, важное, подлинное. И в этом ряду, безусловно, находится одна из главных эстетических кате-

горий – категория прекрасного. В письмах, записных книжках, художественных произведениях Чехов отмечал примеры естественного притяжения человека к прекрасному – будь то красота природы, женщины, искусства – и в этом видел одно из главных достоинств и отличительных качеств человеческой личности.

В рассказе «Недобрая ночь» автор так описывает впечатление свидетелей ночного пожара: «Все сознают, что видят страшное бедствие, дрожат, но прекратись вдруг пожар, они почувствуют себя неудовлетворенными... Как бы ни была зловеща красота, но она все-таки красота, и чувство человека не в состоянии не отдать ей дани» [2, т. V, с. 386].

В 1886 году в рождественском номере суворинского издания «Новое время» публикуется рассказ А. Чехова «На пути», в котором автор вновь озвучивает мысль о том, что чувство красоты и гармонии изначально заложено в природе человека. Описывая комнату, рассказчик обращает внимание читателя на характерную деталь: «Соблюдая самую строгую и осторожную постепенность в переходе от божественного к светскому, от образа, по обе стороны угла, тянулся ряд лубочных картин» [2, т. V, с. 462]. Эта деликатность, желание соблюсти должный порядок – проявление врожденной способности человека чувствовать гармонию.

В рассказе «Красавицы» автор пишет о воздействии на человека красоты природы: «И подпасок, гонящий коров, и землемер, едущий в бричке через плотину, и гуляющие господа – все глядят на закат и все до одного находят, что он страшно красив, но никто не знает и не скажет, в чем тут красота» [2, т. VII, с. 160-161]. По Чехову, законы красоты (как и законы искусства) не поддаются определению. Тем не менее, не зная этих законов, человек *узнает* прекрасное. Тяга к красоте объединяет и подпаска, и землемера, и гуляющих господ – это признак творческого начала каждого человека.

Итак, в основе концепции творчества Чехова заложена мысль о том, что в каждом человеке таится творческий потенциал: каждый способен увидеть, отметить, оценить подлинно прекрасное. Более того, каждый человек сам способен создать прекрасное, выступить в роли творца. И процесс творчества в миропонимании Чехова не ограничивается пределами мира искусства, понятие «творчество» тесно связано с его философией жизни, а точнее, философией жизнетворчества.

Теперь обратимся к эстетике ислама. Первообразным эстетическим каноном мусульман является Коран. Хотя в Коране нет ни одного места, кон-

кретно запрещающего изображения людей и животных, музыку, эти запреты существуют в сознании мусульманина. Мы не будем вдаваться в нюансы трактовок Священного писания. Укажем лишь на то, что данные запреты богословы выводят из аята 92 суры 5 «Трапеза», а также ссылаются на пророка Мухаммеда, считающего великим грехом изображение и музыку: «Что опьяняет в большом количестве, запретно и в малом». Под опьяняющим подразумевается все, что одурманивает разум, рассудок, в том числе и музыка. Под запрет попадает также деятельность художников. Шамиль Аляутдинов, автор многочисленных книг по исламской тематике, в статье «Изображение в Исламе» так комментирует запрет на изображение живых существ: «Пророк предупреждал: «Воистину, наихудшее наказание в Судный День ожидает художников [изображавших людей или животных]»... Имам ат-Табари дал интересное пояснение по данному нюансу: «В хадисе имеются в виду те художники, которые преднамеренно изображали людей или животных, зная, что в последующем простой люд будет поклоняться этому помимо Бога, Единого и Вечного... Те же художники, которые не имеют подобных намерений и уверены, что их художественные изображения людей или животных не будут обожествлены и превращены людьми в предметы поклонения, не подпадают под упомянутое наказание, но все равно являются ... грешниками (аль-‘асы, аль-‘уса)»» [7].

Заявленные запреты на изображение и музыку не могли не оказать влияние на своеобразие развития мусульманской культуры. О специфике этого процесса подробно рассказывал в спецкурсе «Религия и культура» профессор Р.Г. Назиров. Ученый отмечал красоту и в то же время «односторонность исламской культуры (отсутствие изобразительного искусства, театра; слабое развитие инструментальной музыки, поскольку она никогда не входила в культ)» [8, с. 22]. Искусство мусульманских народов самобытно, оно обогатило мировое культурное наследие изящной восточной поэзией, монументальной архитектурой, прикладными видами искусства (керамика, ковроткачество), каллиграфией [9]. Но, как это часто бывает, искусство отдельных стран бурно расцветает под культурным воздействием соседей, и в архитектуре ислама нельзя не отметить очевидное влияние Византии, Испании, Индии не только в русле преломлений сквозь этническое своеобразие соседствующих или поработанных государств, но и религиозное. Так, например, один из самых известных османских архитекторов и инженеров, которого называют Микеланджело ислама –

Синан, был рожден в христианской семье и был исламизированным греком или армянином.

Кроме того, все великие образцы искусства – это результат творческой деятельности отдельной личности. Если же анализировать специфику мусульманского менталитета в аспекте творческой деятельности в целом, то уместна будет цитата из указанной выше статьи Ш. Аляутдинова: «Ислам всесторонне *благоприятствует* и *поощряет* развитие образования, науки, культуры, но запрещает ту часть искусства, которая претендует на творение... Творить присуще только Творцу – Богу» [7]. Закономерно, что в числе главных атрибутов Аллаха указаны имена «Творец» (аль Халик) и «Образователь» (аль Мусаввир) [10].

Выводы

Ключевая установка – греховности творчества – сказалась на формировании мусульманского менталитета: Творец один. Все прекрасное, совершенное уже создано Всевышним. А для

Чехова персонаж интересен постольку, поскольку он проявляет творческую, созидательную активность, даже если речь идет о лжетворцах или подражателях. Писатель выбирает героев, способных к творческому преображению жизни: чем более творческий человек, чем ярче он преобразует свою жизнь, тем более он для писателя интересен. Но в исламской традиции такая активность недопустима: в мусульманской картине мира чеховские творцы – это или создатели идолов, или те, кто этим идолам поклоняется, подражает. Сопоставление чеховской концепции творчества с исламским отношением к созидательной деятельности позволило выявить причины, по которым персонажи – мусульмане лишены индивидуальности и глубины: то, что важно для писателя, запрещено в исламе, и этим можно объяснить исключение образов мусульман из творческого поля зрения А.П. Чехова.

Список источников

1. Шатунов Ю.А. Мусульмане и мусульманский мир в творчестве А.П. Чехова // Имагология и компаративистика. 2022. № 18. С. 305 – 322.
2. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти тт. // Чехов А.П. М.: «Наука», 1983-1988.
3. Хачидогов Р.А. К вопросу об особенностях образования мусульман в Российской империи в XVIII-XIX вв.// Современная научная мысль. 2020. № 5. С. 14 – 17. [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-osobennostyah-obrazovaniya-musulman-v-rossiyskoy-imperii-v-xviii-xix-vv>
4. Якупов Р.И., Мавликасов А.Х. Из истории отечественного мусульманского образования (середина XVI в. – начало 90-х гг. XX в.// Общество: философия, история, культура. 2020. № 1. 9 с. [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-otechestvennogo-musulmanskogo-obrazovaniya-seredina-xvi-v-nachalo-90-h-gg-xx-v-1>.
5. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2000. 250 с.
6. Зингерман Б.И. Театр Чехова и его мировое значение. М., 1988. 521 с.
7. Аляутдинов Ш. Р. Изображение в Исламе [Электронный ресурс]: https://umma.ru/izobrazhenie-v-islame#_ftn23
8. Назиров Р.Г. Религия и культура: программа спецкурса для студентов 2 курса филологического факультета. Уфа, РИО БашГУ, 2003. 31 с.
9. Ахмадуллин В.А., Ахунов А.М. Исламский фактор в мировом историческом процессе (Ближний и Средний Восток, Северная Африка, Восточная Европа): учебное пособие. Казань, Изд-во Казан. ун-та, 2017. 298 с.
10. Михайлов А.Н., Михайлова Л.Б. Художественно-эстетическая парадигма ислама и классическое арабо-мусульманское искусство // Культура. Духовность. Общество. 2013. № 4. [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvenno-esteticheskaya-paradigma-islama-i-klassicheskoe-arabo-musulmanskoe-iskusstvo>

References

1. Shatunov Yu.A. Muslims and the Muslim world in the works of A.P. Chekhov. Imagology and comparative studies. 2022. No. 18. P. 305 – 322.
2. Chekhov A.P. Complete works and letters in 30 volumes. Chekhov A.P. Moscow: "Science", 1983-1988.

3. Khachidogov R.A. On the issue of the peculiarities of the education of Muslims in the Russian Empire in the 18th-19th centuries. Modern scientific thought. 2020. No. 5. P. 14 – 17. [Electronic resource]: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-osobennostyah-obrazovaniya-musulman-v-rossiyskoy-imperii-v-xviii-xix-vv>
4. Yakupov R.I., Mavlikasov A.Kh. From the history of domestic Muslim education (mid-16th century – early 90s of the 20th century. Society: philosophy, history, culture. 2020. No. 1. 9 p. [Electronic resource]: <https://cyberleninka.ru/article/n/iz-istorii-otechestvennogo-musulmanskogo-obrazovaniya-seredina-xvi-v-nachalo-90-h-gg-xx-v-l>.
5. Lotman Yu.M. Conversations about Russian culture. Life and traditions of the Russian nobility (XVIII - early XIX century). St. Petersburg, 2000. 250 p.
6. Zingerman B.I. Chekhov's theater and its global significance. Moscow, 1988. 521 p.
7. Alyautdinov Sh.R. Image in Islam [Electronic resource]: https://umma.ru/izobrazhenie-v-islame#_ftn23
8. Nazirov R.G. Religion and Culture: Special Course Program for 2nd-Year Students of the Philological Faculty. Ufa, RIO BashGU, 2003. 31 p.
9. Akhmadullin V.A., Akhunov A.M. Islamic Factor in the World Historical Process (Near and Middle East, North Africa, Eastern Europe): Textbook. Kazan, Kazan University Publishing House, 2017. 298 p.
10. Mikhailov A.N., Mikhailova L.B. Artistic and Aesthetic Paradigm of Islam and Classical Arab-Muslim Art.Culture. Spirituality. Society. 2013. No. 4. [Electronic resource]: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvenno-esteticheskaya-paradigma-islama-i-klassicheskoe-arabo-musulmanskoe-iskusstvo>

Информация об авторе

Галимова О.М., кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный медицинский университет Минздрава России, oxramazanova@mail.ru

© Галимова О.М., 2025